

**В.С. ДИЕВ, профессор, декан
Новосибирский государственный
университет
Институт философии и права
СО РАН**

Исторический контекст управленческих решений в российской науке и высшей школе *

Статья посвящена проблемам принятия управленческих решений в российской академической науке и высшей школе. Автор исходит из того, что образование и наука по своей сути имеют интернациональный характер, но в каждой стране присутствует национальная специфика, которая определяется ее историей и культурой. Обосновывается тезис о том, что современные управленческие решения, направленные на реформирование социальных институтов, необходимо рассматривать в историческом контексте.

Ключевые слова: управление, общество, культура, фундаментальная наука, принятие решений, высшая школа

Перед тем как представить итоги своих размышлений по указанной теме, считаю необходимым дать несколько терминологических и методологических пояснений. Прежде всего – о ключевом понятии. Управление – это процесс воздействия субъекта на объект, направленный на упорядочение, сохранение, разрушение или изменение объекта в соответствии с поставленной целью [1]. Очень часто управление рассматривают через призму принятия решений, что, на мой взгляд, вполне оправданно, поскольку эти процессы занимают в структуре управленческой деятельности иерархически главное место. Любая функция управления: планирование, организация, мотивация, контроль – предполагает прежде всего принятие решений для реализации этой функции. Решения определяют как результативные параметры, так и процессуальное содержание управленческой деятельности.

При анализе нашей проблемы важно понимать, что управление «погружено» в культуру и историю своей страны [2]. Культура обновляет унаследованные из прошлого ценности и нормы с учетом происходящих в обществе изменений, транслирует их живущим поколениям, вооружает людей

определенными стереотипами поведения. В основе ценностей, взглядов и норм поведения, проявляющихся в деятельности людей, лежит социальная память. На мой взгляд, для того чтобы лучше понять и оценить, что же сегодня происходит в отечественной науке и высшей школе, необходимо рассматривать современные управленческие решения, направленные на реформирование этих социальных институтов, обязательно в историческом контексте.

Российская наука и высшая школа берут свое начало в 1724 г. Именно тогда, на особом заседании Сената, в присутствии императора Петра I был рассмотрен проект Указа об учреждении Академии наук и художеств, в котором предусматривалось создание академии, университета и гимназии. К тому времени в системе европейского просвещения сложились две формы производства научного знания – академия и университет. Сразу отмечу, что они не противопоставлялись друг другу. Петр I решил пойти своим путем и создал новое образование, объединив эти институты. Царь-реформатор понимал, что фундаментальная наука требует государственной поддержки, и собственноручно на проекте Указа определил на содержание Академии наук

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-03-00326а).

доходы от городов Нарвы, Дерпта, Пернова, Аренсбурга [3, с. 11]. В Указе также отмечалось, что принятая для того времени в Европе традиция разделения университета на четыре факультета: теологический, юридический, медицинский и философский – в России невозможна, и поэтому «факультет теологии здесь оставляется и попечение о том токмо Синоду предается» [Цит. по: 3, с. 18]. Спустя тридцать лет, 25 января 1755 года, Императрица Елизавета Петровна своим указом утвердила проект организации Московского университета и двух гимназий. Огромную роль в создании второго российского университета сыграл М.В. Ломоносов, который писал, что «в Университете неотменно должно быть трем факультетам, юридическому, медицинскому и философскому (богословский оставляю синодальным училищам), в которых производились магистры, лиценциаты и докторы» [4, с. 653].

Образование и наука по своей сути имеют интернациональный характер, но в каждой стране присутствует и национальная специфика. Государственность, всесловность и фундаментальность высшего образования – вот принципы, на которых традиционно строилась и развивалась система высшего образования России. Особо отмечу светский характер образования в нашей стране. Государственность высшей школы – это ее предназначение обеспечивать страну нужными по количеству и должными по качеству кадрами высококвалифицированных специалистов. Вопрос о национальных кадрах – это и вопрос о национальной безопасности. Суверенная, экономически развитая страна – это страна самодостаточная в своем кадровом потенциале. Всесловность – это основополагающая нравственная норма отечественной высшей школы. Система образования хотя бы отчасти задает условия «равного старта» для представителей различных социальных слоев. Образование является средством повышения социального статуса человека. Фунда-

ментальность высшего образования – это соединение научного знания и процесса образования, дающее образованному человеку понимание того, что существуют законы природы и тенденции в развитии общества, которые нельзя игнорировать. Их нарушение малограмотным или невежественным в науках человеком опасно для окружающих. К сожалению, надо признать, что в современной российской высшей школе все эти принципы, увы, предаются забвению.

Об управленческих решениях, связанных с происходящей сейчас реформой Российской академии наук (РАН), сказано и написано немало, поэтому остановлюсь только на некоторых, но, как мне представляется, принципиальных моментах. Прежде всего хочу отметить, что последние триста лет именно Академия была основным источником фундаментальных знаний. Так было и в Российской империи, и в Советском союзе, и в Российской Федерации. В этом контексте хочу обратить внимание на тривредных, но широко распространенных мифа: «работа РАН неэффективна, и об этом свидетельствует вклад российских ученых в мировую науку»; «в развитых странах фундаментальную науку и всю науку финансирует частный сектор»; «в развитых странах государство не вкладывает деньги в образование, потому что оно платное». Остановлюсь только на первом. Годовой бюджет РАН составляет чуть более двух миллиардов долларов, и это бюджет хорошего университета в США, подчеркну – хорошего, но не входящего в «лигу плюща». В Америке таких университетов десятки. При этом вклад в мировую науку РАН просто несопоставим с вкладом нескольких десятков таких университетов.

Сегодня в России академическая наука и высшая школа противопоставляются, при этом курс взят на реализацию американской модели, когда практически все фундаментальные исследования сосредоточены в университетах. В последние годы в раз-

витие материальной базы ведущих университетов вкладываются большие деньги. Однако при этом совершенно забыли о преподавателе вуза, которому вроде бы и предстоит заниматься фундаментальной наукой. О какой исследовательской работе может идти речь, если у доцента университета учебная нагрузка под тысячу часов!

Подобная политика не отвечает отечественной истории и традициям. Хочу напомнить, что академик М.А. Лаврентьев, создавая Сибирское отделение Академии наук, фактически реализовал модель Петра I. В Академгородке как пятьдесят лет тому назад, так и сегодня в самой тесной интеграции работают научно-исследовательские институты, университет и физико-математическая школа. Эффективность этой модели никто не подвергает сомнению. Более того, она успешно реализована во Франции и Японии.

В 1958 г. М.А. Лаврентьев сформулировал знаменитые принципы, получившие название «треугольник Лаврентьева», исходя из которых и строилось Сибирское отделение. «При создании Академгородка мы руководствовались тремя принципами... Первый – наибольшее число проблем современной науки решается на стыках наук. В научном центре должны быть представлены крупными учеными все главные фундаментальные научные дисциплины. Второй принцип – тесная связь с народным хозяйством, ибо наука нужна промышленности так же, как большая и разнообразная промышленность необходима для решения ведущих научных проблем. Третий принцип – правильное сочетание ученых старшего поколения и молодежи. Основную массу в научном центре должна составлять молодежь – студенты и аспиранты. Здесь должен быть университет, студенты которого слушали бы лекции ученых, делающих науку в академических институтах, и обучались бы на новейшем оборудовании этих институтов» [5, с. 17].

Надо признать, что «треугольник Лав-

рентьева» не получился «равносторонним». Если с развитием фундаментальных исследований и подготовкой кадров все обстояло более-менее благополучно, то внедрение научных достижений в практику всегда было связано с многочисленными трудностями. Михаил Алексеевич писал: «Мы располагаем сегодня великолепными кадрами ученых и инженеров и во многих направлениях науки опережаем другие страны. Но в то же время уровень некоторых отраслей промышленности у нас часто оказывается ниже мирового стандарта. Как повысить эффективность внедрения научных достижений в промышленность? Как ускорить отдачу в народное хозяйство научных исследований? Пока на этот счет идут горячие споры. Проблема внедрения – это проблема преодоления противоречий между ученым, выдвинувшим идею, и директором завода, который не хочет идти на риск» [5, с. 65]. В своих воспоминаниях первый председатель Сибирского отделения, описывая процесс внедрения технологии сварки взрывом на стрелочном заводе, иначе как «мытарством» его не называет.

Проблема внедрения достижений науки в производство, безусловно, касалась научно-технической сферы всей страны, но я хочу показать, как к ее решению подходили в Академгородке. Второй председатель Сибирского отделения академик Г.И. Марчук, будучи еще в ранге заместителя М.А. Лаврентьева, предложил и стал реализовывать принцип «выхода на отрасль». Суть подхода состояла в том, чтобы внедрение научных разработок вести на крупных головных предприятиях, которые осваивают новшество, а затем при поддержке своего министерства распространяют его на всю отрасль. В ряде случаев такой подход вполне себя оправдал. Практика того времени показывала, что традиционный «конвейер»: «академический институт – отраслевой институт – конструкторское бюро – промышленность» – часто действует слишком медлен-

но. Требовалось как-то ускорить эти процессы. В 70–80-е годы прошлого века был предпринят, видимо, самый крупный эксперимент в области сближения науки и производства: создание вокруг Академгородка так называемого «пояса внедрения» – группы отраслевых конструкторских бюро. Предлагалась следующая схема: академический институт дает научную идею, министерство, заинтересованное в этой идее, строит рядом с Академгородком конструкторское бюро (КБ), где над воплощением идеи одновременно работают работники отрасли, авторы идеи и молодежь, заканчивающая университет. Как нетрудно заметить, присутствуют все три стороны «треугольника Лаврентьева». Надо сказать, что организация «пояса внедрения» потребовала немало времени и усилий, направленных и на борьбу с бюрократическими проволочками. Так, еще в 1966–68 годах президиум СО АН СССР совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами выдвинул проект по строительству нескольких (порядка десяти) НИИ и КБ «двойного подчинения» в Академгородке. Но потребовалось почти десять лет работы по «пробиванию» этой идеи, чтобы начались реальные действия по созданию «пояса внедрения».

Третий председатель Сибирского отделения академик В.А. Коптюг, наряду с концепцией «пояса внедрения», предложил еще один механизм для ускоренного внедрения научных разработок в практику. Как известно, советская экономика была плановой, и Валентин Афанасьевич решил использовать именно этот фактор. Наиболее важные и крупные разработки Сибирского отделения по решению Госпланов СССР и РСФСР включались в планы экономического и социального развития страны. Таким образом, задача по внедрению научных разработок обрела силу закона.

Надо признать, что, несмотря на все усилия, предпринятые академической, отраслевой, вузовской наукой, передовыми пред-

приятиями, отдельными энтузиастами и всеми заинтересованными сторонами, решить проблему внедрения научных разработок в производство в советское время так и не удалось. Ученые говорили о «барьерах на пути внедрения». А генеральные секретари ЦК КПСС от Н.С. Хрущева до М.С. Горбачева с трибун партийных съездов и пленумов вынуждены были признавать, что, «к сожалению, с внедрением в практику достижений науки и техники у нас, как вы знаете, дело обстоит еще плохо». В то время не было термина «рыночное использование» или «коммерциализация» научных результатов, речь всегда шла о «внедрении», а такой процесс, вообще говоря, предполагает не только усилия по преодолению определенного сопротивления, но даже и насилие. Парадокс развития советской научно-технической сферы заключался в том, что огромное количество проведенных исследований и разработок никогда не использовались на практике. В результате в стране, обладавшей колоссальным научно-техническим потенциалом, в гражданском секторе выпускалась неконкурентоспособная на мировом рынке продукция. Как известно, Советский Союз, в конце концов, проиграл технологическое соревнование с Западом.

В начале XXI в. уже не говорят о «внедрении», сегодня речь идет об управлении инновационными процессами. Под «инновацией», или нововведением, далее будет пониматься реализованное новшество, независимо от сферы применения. Само же новшество, т.е. научно-техническая разработка или изобретение, становится инновацией, как правило, в виде товара или услуги. Инновация не появляется сама по себе, ей предшествуют научно-исследовательские, опытно-конструкторские или проектные работы. Результаты этих работ создают задел, на основе которого и начинается инновационная деятельность.

В настоящее время во всех развитых странах инновационная составляющая является важнейшей частью государственной на-

учно-технической политики. Если Россия хочет находиться в группе развитых стран, она должна следовать этому примеру. У нас есть на то серьезные основания: значительные фундаментальные и технологические заделы, высококвалифицированные кадры, уникальная научно-производственная база. Однако, как и пятьдесят лет назад, отечественный инновационный потенциал пока крайне слабо ориентирован на реализацию научных достижений в производстве. Российская инновационная сфера оказалась не готовой к работе в рыночных условиях. Дело в том, что рынок сам по себе не решает всех проблем, связанных с инновациями. Еще в середине 70-х годов прошлого века А. Чандлер сформулировал свой знаменитый тезис о том, что видимая рука менеджмента заменила невидимую руку рыночных сил Адама Смита [6]. В той же работе А. Чандлер пишет о том, что структура организации следует за стратегией, которая определяется поставленной целью. То есть сначала должна быть поставлена цель, затем определяется стратегия, а уже потом строится структура для ее достижения.

Наряду с рыночными механизмами еще требуется эффективное управление процессами нововведений. Кроме того, рынок не способен обеспечить адекватное вложение ресурсов в науку – так называемый «провал рынка» (*market failure*). Сегодня это азбучная истина, которая входит во все современные учебники по экономике и является главным аргументом при обосновании необходимости государственного регулирования сферы научных исследований и разработок. Цель государственной научно-технической политики – разработка и реализация мер для компенсации «рыночного провала», уменьшения рисков, связанных с реализацией инновационных процессов.

Более полувека тому назад появилась концепция постиндустриального общества, на смену ей пришла концепция информационного общества, в рамках которой главным продуктом производства становится инфор-

мация. Сегодня же все больше говорят об обществе, основанном на знаниях; именно они становятся основным фактором прогресса. Только опираясь на науку и образование, Россия может занять достойное место в мире на новом этапе развития цивилизации. Фундаментальным принципом управления, открытым У. Эшби, является закон необходимого разнообразия, в соответствии с которым уровень разнообразия управляющей системы должен соответствовать уровню разнообразия управляемой системы. Отсюда, в частности, следует, что невозможно создать простую систему управления для управления сложными системами и процессами. Говоря о реформе РАН, на мой взгляд, надо исходить из известного медицинского принципа «не навреди». Сегодня очень важно обозначить наиболее опасные сценарии развития реформ и, соответственно, сформулировать своеобразные «правила запрета». Прежде всего это касается различного рода сокращений и объединений как исследовательских организаций, так и отдельных ученых.

На мой взгляд, ученые, работающие в академической науке, должны перестать оправдываться. Фундаментальная наука не обязана давать результат в течение двух-трех лет, а уж тем более практический. Если ученый получил какой-то фундаментальный результат, то это не значит, что он должен иметь какое-то непосредственное отношение к народному хозяйству. И уж тем более внедрение инноваций не должно являться задачей академической науки. Лет тридцать тому назад на одном из институтов Академгородка висел лозунг: «Цель науки – служение народу». Так вот, как бы мы ни любили наш народ, цель науки – это все-таки поиск истины.

Литература

1. Диев В.С. Управление. Философия. Общество // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 35–41.

2. Диев В.С. Философия управления: область исследований и учебная дисциплина // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 2. С. 59–66.
3. Артемьева Т.В. Философия в Петербургской Академии наук XVIII века. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1999.
4. Ломоносов М.В. Избранные философские произведения. М.: Госполитиздат, 1950.
5. Лаврентьев М.А. ...Прирастать будет Сибирью. М.: Молодая гвардия, 1980.
6. Chandler A. The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business. Harvard University Press, 1977.

Автор:

ДИЕВ Владимир Серафимович – д-р филос. наук, профессор, Новосибирский государственный университет, Институт философии и права СО РАН, diev@smile.nsu.ru

DIEV V.S. HISTORICAL CONTEXT OF MANAGERIAL DECISIONS IN RUSSIAN SCIENCE AND HIGHER EDUCATION

Abstract. The key theme of the paper is managerial decision making process in Russian academic science and higher school. The author states that education and science have an international character but also have a domestic specificity resulting from the national history and culture. So, the managerial decisions aimed at reforming of social institutions should be viewed through the historical perspective, and the core principle in this process is “do no harm”.

Keywords: management, science, higher education, culture, fundamental science, decision making, managerial decision making process

References

1. Diev V.S. (2010) [Management. Philosophy. Society]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy]. No. 8, pp. 35–41. (In Russ.)
2. Diev V.S. (2012) [The philosophy of management: a field of research and a university subject]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Series: Philosophy. Sociology. Politics]. No. 2, pp. 59–66. (In Russ.)
3. Artem'eva T.V. (1999) *Filosofiya v Peterburgskoy Akademii nauk XVIII veka* [Philosophy at the Petersburg Academy of Science in XVIII century]. Saint Petersburg: St Petersburg Center for the History of Ideas Publ.
4. Lomonosov M.V. (1950) *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophical papers]. Moscow: Gospolitizdat Publ.
5. Lavrent'ev M.A. (1980) ...*Prirastat' budet Sibir'yu* [... Will grow with Siberia]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ.
6. Chandler A. (1977) *The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business*, Harvard University Press.

Author:

DIEV Vladimir S. – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Dean, Novosibirsk State University, Institute for the Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, diev@smile.nsu.ru

